

УДК 24(470+571):32.01

Г.Е. ЛЬВОВ – «ПАРЛАМЕНТАРИЙ САМОБЫТНОЙ РУССКОЙ СКЛАДКИ»¹

И. К. Кирьянов

Пермский государственный национальный исследовательский университет, 614990, Пермь, ул. Букирева, 15
ikiryanov@yandex.ru

Рассматривается парламентский опыт первого председателя Временного правительства князя Г.Е. Львова. По формальным признакам его парламентская активность была существенно выше средней для перводумцев, однако современники полагали, что он будто бы «потерялся» в Думе. Видимой стороной деятельности первых российских парламентариев были прения в общих заседаниях. А Львова в большей степени привлекала коммиссионная работа, та сторона в думской деятельности, которая была сокрыта от постороннего глаза. На примере Львова выясняются особенности вхождения в политику земских деятелей в позднеимперской России.

Ключевые слова: Г.Е. Львов, Государственная Дума Российской империи, парламентская деятельность.

Парламентский опыт князя Г. Е. Львова, как и большинства перводумцев, оказался весьма коротким. Не повезло ему и в освещении этого опыта в историографической традиции, заложенной в 1925 г. его коллегой по кадетской фракции В. А. Оболенским, отметившим в своих ранних воспоминаниях о Львове, что тот «не выступал в общих заседаниях» [Оболенский, 1925, с. 2]. Следуя этому свидетельству, биограф князя Т. И. Полнер повторил в 1932 г.: «На трибуне Государственной думы он не появился ни разу» [Полнер, 2001, с. 168].

И.М. Пушкарева в статье 1991 г. слегка отредактировала замечание Оболенского (из текста статьи видно, что едва ли не единственным источником сведений о парламентской деятельности Львова для нее были приведенные в работе Полнера воспоминания все того же Оболенского): «он практически не выступал, был равнодушен к прениям» [Пушкарева, 1991, с. 164]. В биографической справке Львова, подготовленной Пушкаревой для энциклопедии о политических партиях, его парламентская история описана в двух предложениях: «в нач. 1906 – выдвинут от блока кадетов и октябристов в Туле в деп. 1-й Гос. думы. Участвовал в акции протеста деп. Гос. думы после ее разгона, но отказался подписать Выборгское воззвание» [Пушкарева, 1996, с. 328]. В ею же подготовленной биографической справке для энциклопедии «Государственная Дума Российской империи» собственно парламентской деятельности Львова посвящен только один небольшой абзац, в котором, вероятно, на основании «Личного указателя» к стенографическим отчетам Государственной Думы первого созыва перечислены некоторые проявления его парламентской активности: членство в комиссиях, подписание законопроекта, выступление в качестве докладчика продовольственной комиссии [Пушкарева, 2008, с. 337].

Примерно в том же ключе выступил на «Гаврических чтениях 2008» И. Ю. Соснер. В статье «Член I Думы князь Георгий Львов», опубликованной им в сборнике материалов конференции, характеристика собственно думской деятельности Львова исчерпывается указанием на то, что князь в период работы Государственной Думы первого созыва «старался трудиться в разнообразных комитетах (в том числе продовольственном), а не выступать с трибуны» [Соснер, 2009, с. 308].

Конечно, Г. Е. Львов не был видной фигурой в корпусе депутатов Государственной Думы первого созыва, но и сложившаяся историографическая оценка его парламентской деятельности представляется неоправданной.

Объективно Г. Е. Львов, как и любой другой кадетский кандидат, не должен был пройти в Государственную Думу от Тулы. Тула получила особое представительство в Думе при следующих обстоятельствах. Первоначально предполагалось, что таким статусом будут наделены только города-стотысячники. Но подобные города являлись индустриальными центрами, в большинстве своем расположенными по периферии Российской империи, вследствие чего можно было предположить победу в них оппозиционных кандидатов, что, кстати, и продемонстрировал опыт первых двух избирательных кампаний. Поэтому к числу городов с особым представительством законодателем было решено отнести и «истинно русские» города с намного меньшим количеством жителей из цен-

тральных губерний Европейской России в надежде на консервативные настроения их населения. Следует отметить, что подобный расчет правящей бюрократии был верным, но не в случае с Тулой в ходе первых думских выборов.

Расклад сил на городском избирательном собрании в Туле был явно не в пользу оппозиции: из 80 выборщиков 25 принадлежали к местному Союзу за Царя и Порядок, 35 – к октябристам и только 20 – к кадетам. Но из-за возникших противоречий между местными октябристами и правыми неожиданно сложился октябристско-кадетский блок, который и провел в депутаты Г. Е. Львова [Rawson, 1995, p. 167]. Не в последнюю очередь тульские октябристы поддержали Львова потому, что он ничем не скомпрометировал себя в ходе предвыборной кампании (впрочем, Львов в ней и не участвовал), что «для него были одинаково приемлемы (и одинаково безразличны) как кадетская, так и октябристская программы» [Полнер, 2001, с. 159]. Далекое не случайно Львов в самой Думе, будучи членом кадетской фракции, по воспоминаниям А. В. Тырковой-Вильямс, «незаметно и молча отсиживался» в гейденовской группе [Тыркова-Вильямс, 1998, с. 411].

С другой стороны, появление Г. Е. Львова в Таврическом дворце нельзя назвать случайным. По большому счету первые выборы в Думу для видных представителей тогдашней российской общности явились своеобразной «рекрутской повинностью». Слишком долго ожидался созыв народного представительства, слишком многое связывалось с деятельностью первого отечественного парламента по переустройству России, чтобы от предстоявшей работы могли уклониться лица, обладавшие значимым репутационным капиталом. А то, что они не были политиками, расценивалось в качестве составляющей этого капитала. В подобном ключе рассуждал М. А. Алданов, отмечая, что у Львова «отсутствовали те человеческие недостатки, которые нужны для того, чтобы быть политическим деятелем, – и политическим деятелем он, конечно, не был» [Алданов, 1925, с. 2–3]. Многие перводумцы оказались, по выражению Н. И. Астрова, «брошенными судьбой» [Памяти кн. Г. Е. Львова..., 1925, с. 5] в политику, но, как подчеркивал В. А. Оболенский, «продолжали еще жить психологией дореволюционной интеллигенции, боявшейся “осквернить” себя властью, и для которой не власть, а “жертва” была подсознательной целью политической борьбы» [Оболенский, 1988, с. 369].

В этой связи уместно указать на то содержание, которое вкладывалось в понятие *политика* в конце XIX в. Согласно В. И. Далю, политика – это «виды, намерения и цели государя, немногим известные, и образ его действий при сем, нередко скрывающий первые». Политиком же считался либо «умный и ловкий (не всегда честный) государственный деятель; вообще скрытный и хитрый человек, умеющий наклонять дела в свою пользу, кстати молвить и вовремя смолчать», либо государственный преступник, выступавший против царя [Даль, 1882, с. 261].

Другое дело, что подобное определение политики и соответствующее к ней отношение стремительно превращались в анахронизм в условиях рождения человека политического и становления публичной политики, что наблюдалось в России начала XX в. В частности, прямой противоположностью Г. Е. Львову в отношении к политике был другой перводумец – Ф. Ф. Кокошкин. М. М. Винавер в своих эмигрантских воспоминаниях приводит эпизод из «периода Столыпинского режима». На его замечание о том, что он «сдал в архив всякую мысль о политике», Кокошкин заявил: «А я нет. Я не сдаюсь, не могу. Это моя настоящая стихия; я должен жить надеждой, что вернусь к ней». Следует подчеркнуть то, что именно Кокошкину принадлежала идея «Выборгского воззвания», подписание которого отлучило многих перводумцев от парламентской деятельности [Винавер, 1926, с. 135, 150].

По формальным признакам парламентская активность Г. Е. Львова была существенно выше средней для думцев первого созыва. Он был избран в состав четырех комиссий: аграрной, бюджетной, по исполнению государственной росписи, продовольственной, при этом являлся председателем последней, что было вполне логично, поскольку он возглавлял общеземскую организацию помощи голодающим. Львов подписал заявление с законопроектом о собраниях, а также девять заявлений о запросах. Трижды он выступал с думской трибуны во время обсуждения вопроса о продовольственной помощи, в том числе по поводу разъяснений министра внутренних дел П. А. Столыпина по запросу о данном предмете (кстати, само заявление об этом запросе он не подписал), а также в качестве докладчика продовольственной комиссии. Еще трижды он поднимался на думскую трибуну для внесения поправок в принимаемые документы. Очередное выступление с обширным докладом об организации продовольственного дела в империи, назначенное на 10 июля,

не состоялось вследствие роспуска Думы. Однако при оценке парламентского опыта Львова вряд ли стоит ограничиваться только статистическими выкладками.

Несмотря на то что парламентская активность Г. Е. Львова была существенно выше средней, и современники, и историки отмечают, что он будто бы «потерялся» в Думе. Объяснение этому простое – видимой стороной деятельности перводумцев были прения в общих заседаниях, которые проводились по четыре–пять дней в неделю. Первый думский председатель С. А. Муромцев в рецензии на книгу А. А. Пиленко «Русские парламентские прецеденты» отметил, что «Государственная Дума восприняла свои руководящие принципы и основные формы делопроизводства от западноевропейских парламентов», вместе с тем «на русской почве западным формам нужно было считаться <...> с некоторыми особенностями психологического настроения думской среды» [Муромцев, 1907, стб. 1359]. К подобным особенностям относятся и привнесенные в Думу митинговые модели речевого поведения, проявлявшиеся прежде всего в вербальной агрессии [Громыко, 2006, с. 89], естественной для политиков революционной поры, но пагубной для продуктивной парламентской деятельности.

Однако самые разные слои населения империи зачитывались стенографическими отчетами, восторгаясь смелой критикой правительственной политики, сверяя собственные ожидания с предложениями депутатов. Наибольшей популярностью пользовались те газеты, которые давали полную информацию о происходящем в Думе. Пример тому – сытинское «Русское слово», отводившее целые страницы под информацию о Государственной Думе и побившее все рекорды своими тиражами. Вслед за русско-японской войной деятельность Думы первого созыва оказала существенное влияние на рост грамотности в крестьянской среде и способствовала бережному отношению к газетам. На слуху были фамилии тех, кто чаще всего появлялись на думской трибуне. А Георгий Евгеньевич не обладал ораторскими способностями, с думской трибуны говорил «тихо, едва слышно. Аудитории приходилось сильно напрягать внимание» [Варшавский, 1907, с. 228].

В большей степени Львова привлекала комиссия работа, та сторона думской деятельности, которая была сокрыта от постороннего глаза. По этому поводу М. М. Винавер писал: «Он не был парламентарий в обычном смысле этого слова. Или вернее: он был парламентарием самобытной русской складки – таким, каких выработала полувекровая деятельность наших земских учреждений. Не для трибуны и не для митинга, а для интимных коллегиальных совещаний, в небольшом сравнительно кругу более или менее близких знакомых людей» [Винавер, 1925, с. 2].

Земский опыт для многих думцев был частью их репутационного капитала. Так, в Государственную Думу первого созыва было избрано 115 депутатов, обладавших опытом работы в органах местного самоуправления, второго – 60, третьего – 170, четвертого – 213. Видным деятелем земского движения был и сам Г. Е. Львов: с 1887 г. он избирался гласным Алексинского уездного земского собрания, с 1892 г. – гласным Тульского губернского земского собрания, а в 1903 г. стал его председателем, переизбравшись в 1905 г. на новое трехлетие.

Однако организация земских заседаний принципиально отличалась от организации думских. Образцом устройства для зала общих собраний в Таврическом дворце была выбрана французская палата депутатов. Места для председателя и двух его заместителей находились на возвышении, у основания которого была установлена кафедра. В полукруглом амфитеатре располагались 13 рядов кресел, предназначенных для членов Думы. Во время выступления оратор непосредственно обращался к залу. Современники отмечали, что подобное устройство зала в значительной степени отразилось на характере думских прений. Многие выражали сожаление по поводу того, что, увлекшись французским примером, правительственные чиновники забыли о традициях земских собраний. В залах земских собраний не было трибуны и ораторы выступали со своих мест, тем самым лишаясь возможности апеллировать к собранию, что придавало прениям «чрезвычайно домашний характер» [Извольский, 1989, с. 62–63].

За время работы Думы первого созыва только один законопроект приобрел силу закона: о выделении 15 млн. рублей для оказания помощи пострадавшим от неурожая. К появлению на свет «конституционного первенца» Г. Е. Львов имел самое непосредственное отношение. Законопроект был внесен правительством на рассмотрение по запросу Государственной Думы, и первоначально в нем предполагалось выделить 50 млн. рублей. Принятию закона предшествовали длительные заседания продовольственной и бюджетной комиссий. Одно из таких заседаний продолжалось 13 часов, на нем впервые в работе думских комиссий присутствовали и давали пояснения члены прави-

тельства: министр внутренних дел П. А. Столыпин и министр финансов В. Н. Коковцов [*Варшавский*, 1907, с. 232].

Г. Е. Львов инициировал сокращение испрашиваемой суммы, доказывая неэффективность правительственной политики в данном вопросе (большинство думцев считали, что правительству и вовсе не следует давать денег), и настаивал на предоставлении подробного министерского отчета о том, как будут израсходованы выделяемые средства [Государственная Дума..., 1906, с. 1650]. Более того, Львов полагал, что организацию продовольственного дела в империи необходимо поставить под контроль Государственной Думы. Продовольственная комиссия обратилась к председателям губернских земских управ и правлению общеземской организации помощи голодающим с просьбой предоставить необходимую информацию [Там же]. При подготовке доклада он неоднократно встречался с министром внутренних дел П. А. Столыпиным. Но, как уже отмечалось, намечавшееся выступление не состоялось вследствие роспуска Государственной Думы. Кстати, когда продовольственная комиссия Государственной Думы второго созыва постановила пригласить на свои заседания «сторонних сведущих лиц» и обратиться к земствам с запросом о состоянии продовольственного дела на местах, то в резкой форме против такого решения выступил уже в качестве председателя Совета министров Столыпин. Он письменно уведомил думского председателя Ф. А. Головина о своем распоряжении начальнику охраны Таврического дворца не пропускать в помещение Думы «посторонних лиц», а губернаторам – воспрепятствовать «непосредственному сношению земских учреждений с Думой и ее канцелярией»².

Активное участие принял Г. Е. Львов в редактировании «Обращения к народу», которое было спровоцировано правительственным сообщением от 20 июня 1906 г. по аграрному вопросу и фактически послужило поводом к роспуску Думы. Возражая против радикального содержания данного документа, Львов предложил принципиальные поправки в его текст. Специально избранная для редактирования «Обращения» комиссия приняла эти поправки. Ему было поручено изложить решение комиссии на заседании кадетской фракции, однако он уговорил выступить М. М. Винавера. Фракция же не согласилась с предложенными поправками. Ввиду этого Львов, а за ним и Винавер отказались выступать на общем думском заседании [*Винавер*, 1907, с. 171–172].

Как известно, Г. Е. Львов не подписал «Выборгское воззвание», содержавшее призыв к гражданскому неповиновению в ответ на роспуск Государственной Думы. Он крайне тяжело воспринял одобрение коллегами–перводумцами незаконного, по его убеждению, документа, и, по свидетельству М. М. Винавера, «от душевного потрясения <...> свалился с ног, и больной, на руках друзей, внесен был в вагон, в котором мы отправлялись обратно из Выборга в Петербург» [*Винавер*, 1925, с. 2]. Следствием отказа подписать «Выборгское воззвание» было то, что Львов лишился поддержки тульских кадетов на вторых думских выборах. Набрав 32 из 80 голосов выборщиков на городском избирательном собрании, Львов не был избран в Государственную Думу второго созыва.

Представляется, что Г. Е. Львов в отличие от многих кадетов-перводумцев мог принять сформулированный в эмиграции В. А. Маклаковым «парадокс»: в период работы Государственной Думы первого созыва «конституцию» защищало правительство, а «пережитки самодержавия» – Дума. Главный грех Думы первого созыва, полагал Маклаков, заключался в том, что она «подорвала <...> мистику конституции». Он утверждал, что кадеты были «во многом повинны в неудаче нашего конституционного опыта» [*Маклаков*, 1991, с. 6,7,9,51]. По крайней мере, Т. И. Полнер приводит следующий эпизод, имевший место незадолго до Первой мировой войны: «Князь Львов сидел как-то у одного знакомого. “Что это у вас?”, – неожиданно спросил князь, поднимаясь с кресла и подходя к стене, на которой в тяжелой раме висела большая фотография. “Общее собрание Первой думы. Разве вы не знаете этого снимка? Он очень хорош. Я дал его увеличить”. “Почему же именно Первой?” “Для меня она вне сравнений: негодующая, горячая, искренняя, молодая... Это – как первая любовь...” Князь Львов внимательно посмотрел на собеседника и покачал головой: “Ну, уж не знаю... А, по-моему, не оправдала возлагавшихся ожиданий. Не сумела примениться к моменту и к правительству, не сумела работать вместе. В конце концов, разошлась, ничего не сделала”» [*Полнер*, 2001, с. 175].

Георгий Евгеньевич, продлись его думская история, вполне мог стать видным парламентарием, совмещавшим законодательную деятельность с лоббистской, в первую очередь связанной с земскими делами, но никак не парламентарием – публичным политиком. Критически относившийся к нему П. Н. Милоков отмечал то, что Львов «пользовался депутатским званием не для боевых

выступлений, а для того, чтобы продвинуть <...> свои деловые предприятия» [Милуков, 1990, с. 259].

Однако не стоит связывать неудачное премьерство Г. Е. Львова в 1917 г. с недодобраным им парламентским опытом. Значительно больший парламентский опыт не помог ни А. И. Гучкову, ни П. Н. Милукову, ни А. Ф. Керенскому в их деятельности во Временном правительстве. Подобный исход предрекал еще в феврале 1916 г. на VI съезде кадетской партии член ее ЦК Н. А. Гредескул в ходе дискуссии о роли представителей оппозиции в составе министерства общественного доверия: «Если бы старый режим захотел зло пошутить над нами на фоне происходящей трагедии, он сказал бы: “Извольте, становитесь на наше место”. И что тогда? <...> Получилось бы дилетантское министерство, лишенное деловых навыков и непривычное к политической работе в условиях обладания властью. Это могло бы оказаться гибелью не только для Родзянко, но и для кн. Львова, и для Милукова» [Съезды..., 2000, с. 277]. По мнению Гредескула, следовало привлекать русскую общественность «к власти и государственной деятельности», но во главе правительства необходим был «честный бюрократ», ибо в России «нужны особые, деловые качества в смысле организации жизненного процесса страны» [Там же]. Но такие управленческие качества невозможно приобрести, занимая только позицию парламентской оппозиции.

Примечания

¹ Статья выполнена при поддержке РФНФ, грант № 11-01-12006в.

² См.: Российский государственный исторический архив. Ф. 1276. Оп. 1. 1905–1915 гг. Д. 34. Л. 50–51.

Библиографический список

- Алданов М. Кутузов русской революции (Памяти кн. Г.Е. Львова) (Отрывки) // Дни (Берлин). 1925. № 740. 15 апреля.
- Вариавский С. Жизнь и труды первой Государственной Думы. М., 1907.
- Винавер М. Кн. Львов в первой Думе // Последние новости (Париж). 1925. № 1494. 8 марта.
- Винавер М. М. Конфликты в Первой Думе. СПб., 1907.
- Винавер М. Недавнее. (Воспоминания и характеристики). Париж, 1926.
- Государственная Дума: Стенографические отчеты. Созыв первый. СПб., 1906. Ч. 2.
- Громыко С. А. «Дума народного гнева» (О речевой агрессии в I Государственной Думе) // Русская речь. 2006. № 6.
- Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. СПб.; М., 1882. Т. 3.
- Извольский А. П. Воспоминания. М., 1989.
- Маклаков В. А. Вторая Государственная Дума. (Воспоминания современника). London, 1991.
- Милуков П. Н. Воспоминания. М., 1990. Т. 2.
- Муромцев С. Формализм в Государственной Думе // Право. 1907. № 19.
- Оболенский В., кн. О князе Львове // Последние новости (Париж). 1925. № 1526. 16 апреля.
- Оболенский В. А. Моя жизнь. Мои современники. Париж, 1988.
- Памяти кн. Г. Е. Львова // Последние новости (Париж). 1925. № 1509. 26 марта.
- Полнер Т. И. Жизненный путь князя Георгия Евгеньевича Львова: Личность, взгляды, условия деятельности. М., 2001.
- Пушкарева И. М. Г. Е. Львов // Россия на рубеже веков: исторические портреты. М., 1991.
- Пушкарева И. М. Львов Г. Е. // Политические партии России. Конец XIX – первая треть XX века: Энциклопедия. М., 1996.
- Пушкарева И. М. (при участии Соснера И. Ю.) Львов Г. Е. // Государственная дума Российской империи: 1906–1917: энциклопедия. М., 2008.
- Соснер И. Ю. Член I Думы князь Георгий Львов // Таврические чтения 2008: Актуальные проблемы истории парламентаризма в России. СПб., 2009.
- Съезды и конференции конституционно-демократической партии. М., 2000. Т. 3, кн. 1.
- Тыркова-Вильямс А. В. То, чего больше не будет. М., 1998.
- Rawson D. C. Russian Rightists and the Revolution of 1905. Cambridge, 1995.

Дата поступления рукописи в редакцию 06.11.2013

GEORGY LVOV AS A PARLIAMENTARIAN OF ORIGINAL RUSSIAN TYPE

I. K. Kiryanov

Perm State University, Bukireva str., 15, 614990, Perm, Russia
ikiryanov@yandex.ru

The article analyzes short experience of parliamentary activity of Prince Georgy Lvov who was the first Head of the Provisional Government. Like any other Cadet candidate he was not supposed to take place in the 1906 State Duma but due to some contradictions between the local Octobrists and the Right the Octobrist-Cadet unit suddenly emerged which led him to the Duma. On the other hand, the emergence of Lvov in the Tauride Palace can not be considered as accidental because the first elections to the Duma were a kind of “conscription” for prominent representatives of Russian public. Those who had significant reputational capital could not avoid parliamentary activity, even if they were not interested in politics as Lvov was. His parliamentary activity was significantly higher in comparison with an average member of the first Duma. However, both contemporaries and historians note that he was not much noticeable in the Duma. Whereas discussions during the general sessions were the visible side of the Russian parliamentarians’ activity, Lvov was attracted to commission work which was hidden from the public. If Lvov’s parliamentary activity was longer, he could have become a prominent parliamentarian doing both legislative activity and lobbying, primarily for the Zemstvo affairs, but not a public politician.

Key words: Georgy Lvov, the State Duma of the Russian Empire, parliamentary activity.

References

- Aldanov M.* Kutuzov russkoy revolyutsii (Pamyati kn. G.E. Lvova) (Otryvki) // Dni (Berlin). 1925. № 740. 15 aprelya.
Varshavskiy S. Zhizn' i trudy pervoy Gosudarstvennoy Dumy. M., 1907.
Vinaver M. Kn. Lvov v pervoy Dume // Poslednie novosti (Parizh). 1925. № 1494. 8 marta.
Vinaver M. M. Konflikty v Pervoy Dume. SPb., 1907.
Vinaver M. Nedavnee. (Vospominaniya i kharakteristiki). Parizh, 1926.
Gosudarstvennaya Duma: Stenograficheskie otchety. Sozyv pervyy. SPb., 1906. Ch. 2.
Gromyko S. A. «Duma narodnogo gneva» (O rechevoy agressii v I Gosudarstvennoy Dume) // Russkaya rech'. 2006. № 6.
Dal' V. Tolkovyy slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka. SPb.; M., 1882. T. 3.
Izvol'skiy A. P. Vospominaniya. M., 1989.
Maklakov V. A. Vtoraya Gosudarstvennaya Duma. (Vospominaniya sovremennika). London, 1991.
Milyukov P. N. Vospominaniya. M., 1990. T. 2.
Muromtsev S. Formalizm v Gosudarstvennoy Dume // Pravo. 1907. № 19.
Obolenskiy V., kn. O knyaze Lvove // Poslednie novosti (Parizh). 1925. № 1526. 16 aprelya.
Obolenskiy V. A. Moya zhizn'. Moi sovremenniki. Parizh, 1988.
Pamyati kn. G. E. L'vova // Poslednie novosti (Parizh). 1925. № 1509. 26 marta.
Polner T. I. Zhiznenny put' knyazyza Georgiya Evgen'evicha Lvova: Lichnost', vzglyady, usloviya deyatel'nosti. M., 2001.
Pushkareva I. M. G. E. L'vov // Rossiya na rubezhe vekov: istoricheskie portrety. M., 1991.
Pushkareva I. M. L'vov G. E. // Politicheskie partii Rossii. Konets XIX – pervaya tret' XX veka: Entsiklopediya. M., 1996.
Pushkareva I. M. (pri uchastii Sosnera I. Yu.) Lvov G. E. // Gosudarstvennaya дума Rossiyskoy imperii: 1906–1917: entsiklopediya. M., 2008.
Sosner I. Yu. Chlen I Dumy knyaz' Georgiy Lvov // Tavricheskie chteniya 2008: Aktual'nye pro-blemy istorii parlamentarizma v Rossii. SPb., 2009.
S'ezdy i konferentsii konstitutsionno-demokraticheskoy partii. M., 2000. T. 3, kn. 1.
Tyrkova-Vil'yams A. V. To, chego bol'she ne budet. M., 1998.
Rawson D. C. Russian Rightists and the Revolution of 1905. Cambridge, 1995.